

Валдис ПЕЛЬШ: «Подозреваю, что некоторых ТОШНИТ ОТ МОЕГО ЛИЦА»

Сегодня даже представить сложно, что когда-то на нашем телевидении не было ни одной развлекательной шоу-программы. Иное дело сейчас: на каждом канале мы насчитали с полдюжины таких передач. И они по-прежнему множатся как грибы после дождя. Если верить слухам, дело дошло до того, что ведущим этих рейтинговых программ (а их лица знает вся страна) строго-настроено запретили вести больше двух передач. Под такое ограничение попал и один из самых популярных шоу-ведущих Валдис Пельш: сейчас он ведет на Первом канале музыкальную развлекательную программу «Угадай мелодию» и юмористический «Розыгрыш». Появление Пельша на ТВ и успех, который неизменно сопутствует этому милому хохмачу-прибалту, многим напоминает историю о Золушке или сюжет о баловне судьбы. Однако сам Валдис уверен, что ни то, ни другое ему абсолютно не подходит. Его жизненный путь пока укладывается в рамки классической схемы self-made man, то есть человека, который сделал себя сам. О том, как ему это удалось, а также о закулисных подробностях создания популярнейших развлекательных передач отечественного ТВ Валдис Пельш поведал в эксклюзивном интервью «РК».

РОМАН ШЕРБЕНКОВ

Читайте стр. Т20–21

*Пельш Валдис
(своего рода) :-)*

14.05.04

Главная тема

Русский Курьер 2004 - 20 мая - с 9, 20 - 25

РОМАН ШЕРЕНКОВ

Евгений ДАНИЛОВ

— Валдис, насколько уровень нашего развлекательного телевидения соответствует западным стандартам?

— Мы не можем равнять себя под западное ТВ, поскольку у нас другой менталитет, другая специфика, другие взаимоотношения с властью. Существует и определенная ангажированность всех без исключения каналов, но, прежде всего, Первого и НТВ. В чем-то наше ТВ гораздо интереснее, если сравнивать с английским, немецким и французским. Американское существует по другим законам, там совсем другая страна. Оно значительно более серое, черно-белое и скучное. Мы развиваемся динамичнее, поскольку у нас более требовательный зритель. Наши люди требуют новенького гораздо активнее и гораздо жестче — во-первых, в силу отсутствия большого количества услуг по развлечению публики и, во-

вторых, по причине отсутствия финансовой возможности развиваться, если говорить о районах, маленьких городах, да и части областных.

— А как вы объясняете тот факт, что большинство наших развлекательных программ — калька с западных, лицензионных. Мало своих талантов?

— Но вас же не удивляет, что мы производим телевизоры и стиральные машины по лицензии? То же самое и с телевидением. Существует мировой телевизионный рынок, где все покупают новые форматы. Чтобы создать свой оригинальный формат и на нем не погореть, требуется своя радикальная идея, которая дорого стоит. Во-вторых, не всякий канал может себе позволить откатать с нуля некий новый формат, с декорациями и прочим, и, избавившись от детских болезней, переместить его в прайм. Это весьма дорогая вещь. К тому же реально мало хороших предложений. Когда я куриро-

вал развлекательное телевидение на ОРТ, нам часто предлагали идеи программ, уже существующих в том или ином виде на Западе. Портить же отношения с западными производителями, запуская уже существующие программы как свое ноу-хау, абсолютно ни к чему.

— А «Угадай мелодию» — лицензионный продукт?

— Программа вышла в США в 1953 году. Формат один из старейших. Просто он изначально был настолько хорошо придуман, что попытки «улучшить» его ни к чему не привели, становилось лишь хуже. Он самодостаточен. В российском варианте добавились какие-то мультки, с учетом нашей ментальности, но это не изменение формата.

— Работа телеведущего — одна из самых сложных на ТВ. Вы занимаетесь этим почти 10 лет. Не надоело?

— Это работа, вы соглашаетесь с этими условиями работы, точно так же, как шахтер согла-

шается работать под землей, в грязи и пыли. Здесь же просто нужно оставлять все, что мешает работе, за пределами павильона — усталость, плохое настроение. И ничто не должно вас вышибать из седла — вот принцип работы ведущего. Должна быть нацеленность на производство конечного продукта, поскольку телезрителя не волнуют нюансы, проблемы, технические сложности и личная жизнь ведущего. Не нравится, устали — закрывайте программу и идите на пенсию.

— Помните, как впервые пришли на ТВ?

— Это было в 1991 году. Нас с Алексеем Кортневым пригласили в качестве режиссеров на АТВ (Авторское телевидение). Это случилось после того, как наш приятель Сережа Денисов, работавший на АТВ, показал Анатолию Малкину наш с Кортневым ролик, который мы сняли для нашей группы «Несчастный случай». Работали на АТВ режиссерами, сценаристами, ведущими. Делали все, начиная с рекламных роликов, работали на программе «Обана», выпустили программу «Дебилада», которую после первого же выпуска, к сожалению, прикрыли. Потом после программы «Кабаре «Синие ночи» мы разошлись с АТВ во взглядах на эстетику производимого продукта, и я ушел работать в «Видео интернешнл» режиссером по рекламе. И уже там стал ведущим на некоторых телепроектах. Они все по разным причинам долго не жили. А в 1995 году получил предложение от Влада Листьева и ушел работать на ОРТ.

— Что для вас значит группа «Несчастный случай»?

— Мы с Лешей Кортневым создали эту группу еще в 1983 году, я был вокалистом, одним из шоуменов. В 1997 году в связи с невозможностью совмещать работу на ТВ и работу в коллективе я ушел в академический отпуск, в котором и нахожусь до сих пор. Иногда я участвую в концертах, играю в спектакле «День выборов», где всю музыку исполняет «Несчастный случай».

— Валдис, а откуда эта любовь к музыке? У вас есть музыкальное образование?

— Мое музыкальное образование — это один урок сольфеджио, после которого я сбежал из музыкальной школы. Мой отец и брат закончили музыкальную школу по классу скрипки, после чего туда был отдан и я. Но не сложилось.

— Что вам дал Студенческий театр МГУ? Не секрет же, что много известных актеров и певцов вышли именно оттуда.

— О, да, Максим Галкин, Кортнев, Ира Богущевская и много замечательных актеров, быть может, не столь широко известных. Этот театр — своего рода «птица Феникс». Он периодически закрывался, но приходил новый режиссер, открывал его, подбирал упавшее знамя и нес дальше. Взлет его совпал с перестройкой. Когда мы в него пришли, главным режиссером был Евгений Славутин. Начался расцвет, достигший апогея в 1989–1991 годах. Моя же любовь к театру длилась не 5 лет, как у большинства, театр ведь студенческий, а 12 лет, до 1995 года.

— Планируете ли вы использовать полученные вами актерские технологии не только в качестве телеведущего?

— Сейчас я играю в спектакле «День выборов», и порой поступаю предложения принять участие в телесериалах или картинах. Если они интересны, как было с фильмом режиссера Сахарова «На бойком месте», я с удовольствием соглашаюсь. Но у меня нет цели сниматься в большом количестве картин, поскольку меня сжирает телевизионная работа. И она мне помогает самореализовываться.

— Скажите, Валдис, а амплуа сменить не хотели бы?

— Я получаю большое удовольствие от работы. Получаю ту отдачу, которая меня устраивает. Ведение концертов — не менее интересная вещь. В спектакле вы играете по написанной роли и импровизируете внутри роли. А ведение концертов на 95 процентов импровизация. Новый зал, другой состав артистов, это же интересная школа. Если вы хорошо ведете концерт, вы повелеваете публикой. Если плохо, у вас этого нет.

— Интересные случаи на телевизионной площадке были?

— Нет. Специфика производства напоминает принцип умной ракетки: выстрелил и забыл. Пишется 4–5 программ ежедневно, неделю или две. Рекорд программы «Угадай мелодию» — 143 программы подряд за 40 дней. Конвейер. Если что-то запоминать, невозможно будет работать дальше. Я в конце дня не могу вспомнить, кто у меня играл. Я всех забываю, стираю из памяти. Остается просто ощущение хорошей или не очень хорошей программы. Бывает огромное количество хохм, шуток, забавных ситуаций, но я их не помню.

Валдис (Эйженович) Пельш родился в 1967 году в Риге. Закончил философский факультет МГУ. В годы учебы начал выступать в составе группы «Несчастный случай», а также играть на сцене Студенческого театра МГУ, сотрудничество с которым продолжалось до 1995 года. В этом же году был приглашен Владом Листьевым в качестве телеведущего на программу «Угадай мелодию» и связал свою судьбу с ОРТ, впоследствии Первым каналом. Работал телеведущим на программах «Эти забавные животные», «Русская рулетка», «Властелин вкуса», «Угадайка» и «Обыкновенное чудо». С 2002 года в течение полутора лет являлся директором Дирекции развлекательных и детских программ ОРТ. В настоящее время ведущий программ Первого канала «Угадай мелодию» и «Розыгрыш».

— Вы работаете с творческим директором или пишете сами?

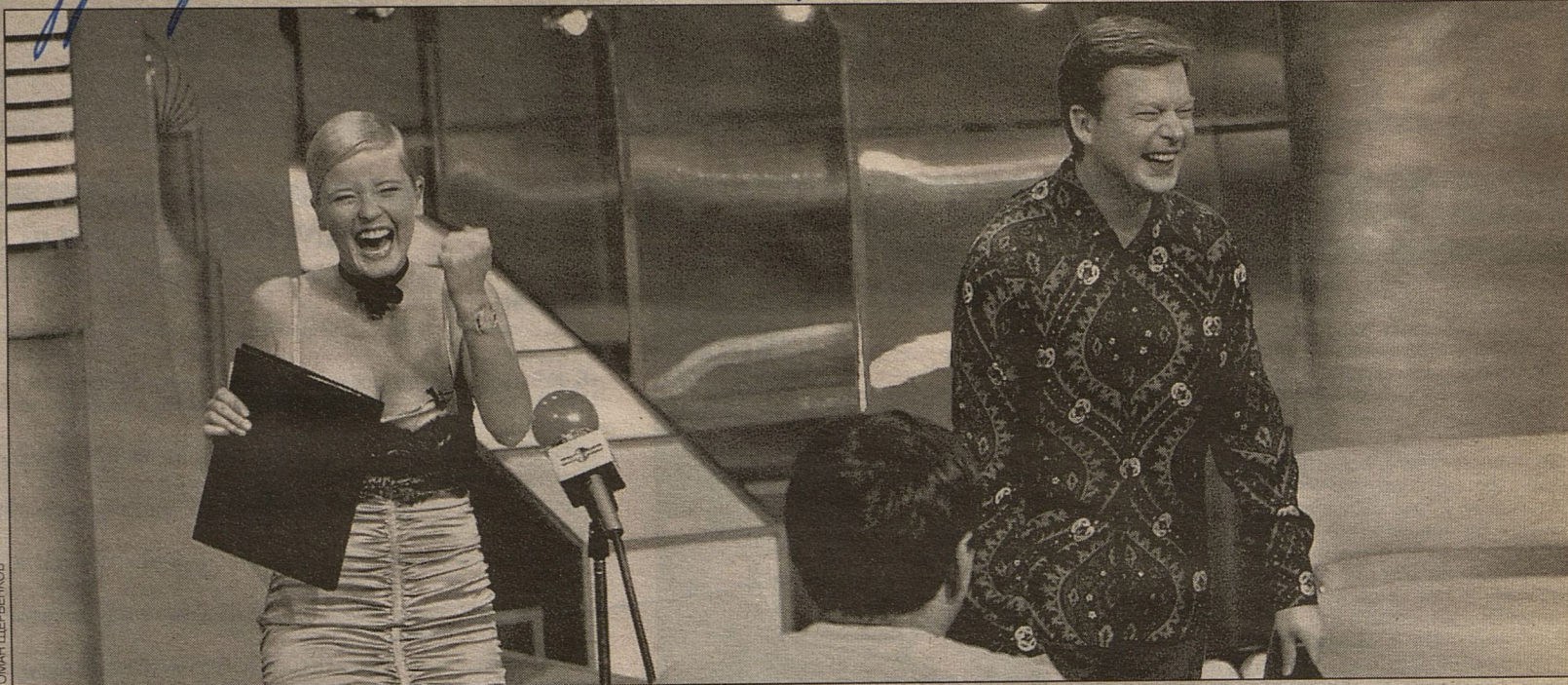
— «Угадай мелодию» вышла в эфир уже более 800 раз. Мне пишут лишь предупреждения к программе, некую своеобразную мораль. Все остальное — моя импровизация в процессе съемки.

— Валдис, кому принадлежит идея вашего последнего проекта «Розыгрыш»?

— Эта идея продюсерской компании «Дикси». Продюсер нашего шоу — Александр Левин, человек достаточно известный на ТВ. Меня пригласили стать ведущим за три часа до начала съемок. Я съездил домой, переоделся для записи, в 8 часов прибыл в «Останкино», в 9 часов мы нажали на кнопку. Очередной рекорд. Ура-ура!

— Известные люди охотно соглашались участвовать в программе?

— Нам легче, поскольку программа одна из самых популярных среди развлекательных. Я не имею в виду спецпроекты типа «Кривого зеркала» или «Поля чудес», но как цикловой проект мы умываем всех. И к нам люди охотно приходят. И к тому же, если гостю не нравится то, что с ним сотворили, он не дает разрешения на показ этого розыгрыша в эфире и не

РОМАН ШЕРЕНКОВ

приходит в студию. В этом смысле все гораздо легче.

— Человек, работающий в кадре, волей-неволей становится публичной персоной. Вам популярность помогает или, наоборот, мешает?

— Есть минусы в нашей профессии, есть плюсы. Как и у шахтеров, у водителей, у кого угодно. У парикмахера в легких волосы клиентов, что поделашь.

— Бывали случаи, когда популярность помогала?

— Таких случаев было огромное количество! Права на вождение гаишники у меня не отбирают, в банке дают кредит под меньший процент.

— На ваш взгляд, отношения зрителей к развлекательным программам такое же, как 10 лет назад? Какое у вас ощущение с точки зрения интереса непосредственно к вашей персоне?

— Новый формат, как любимая игрушка, — привлекает не только руководство канала, но и зрителя. Если он идет 2–3 года в эфире, то приедается. Появляется новый ведущий с новым проектом, все его узнают, но следующий его проект, даже сверхпопулярный, — это уже не такое событие, как первый. Такого ажиотажа вокруг его персоны уже не будет. Все прошло. Мы ждем новых имен, свежих новостей, новых подробностей личной жизни каких-то новых людей. А те люди нам уже не интересны. Существует время каждого человека.

И понятно, что если бы «Розыгрыш» был моим первым форматом, то количество публикаций, упоминаний в прес-

се, на радио было бы гораздо больше. Раз в пять–десять. Да, формат интересен, но ведущий уже всем известен. Поэтому глобального события из этого уже не получишь.

— Вам не кажется, что у нас сейчас наблюдается перехлест с «развлекательным» на ТВ. Уходят программы, которые учат думать, и остается все больше и больше программ, которые развлекают? При попутном снижении качества...

— Я не считаю, что ТВ должно учить думать. Таковы условия производства программы, даже если мы возьмем публицистику или документалистику, все весьма поверхностно. Это науч-поп. И если даже идет фильм о тайнах погибших цивилизаций, все равно это попла. Потому что сегодня люди делают фильм о тайнах погибших цивилизаций, а завтра о летчике Чкалове. Их знания поверхностны. Ничего, кроме нескольких брошюр или неплюхих книг, они не прочли. Человек, который хочет разобраться в проблеме, никогда не будет смотреть телевизор. Он будет заниматься специальной литературой, сам будет анализировать. ТВ должно иметь одну основную функцию, помимо информативной, — развлекать. Есть программы «Своя игра» или «Что? Где? Когда?», в которых приводится большое количество фактов. Но они не структурированы и не имеют прикладного использования. Можно рассматривать эти программы как информативные и учение думать, а можно рассматривать как чисто развлека-

тельные. Я их рассматриваю как чисто развлекательные.

— Есть ли развлекательные программы на ТВ, кроме ваших, которые вы выделяете из общего ряда?

— Нет ни одной программы, которую я хотел бы записывать на видеомagneтофон. Есть фильмы, которые следует посмотреть. Но кино и ТВ — это разные вещи. Я убежден, что ТВ является искусством с огромной натяжкой. Это поток, это сериал, это выпечка горячих пирожков. Вкусных, милых, но это конвейерная лента. И если даже взять цикловые форматы, не еженедельные... Возьмем того же Радзинского, выпустившего 4 или 8 серий по какой-то тематике, который после этого полгода ничего не делает. Но технология производства такова, что все равно произведенный продукт будет тягаться к конвейеру.

Я слежу и с интересом за творчеством своих коллег-конкурентов. В этом есть некая доля прагматизма, но мне интересно, что делают другие люди, хорошо или плохо они работают на ТВ. Но сказать, что вот это, блин, потрясло, перепало и переборозило, я не могу.

Сапоги должен тащить сапожник. В любом случае, сколько бы ни был хорош публицист, ведущий, тележурналист, он все равно, как правило, не является специалистом. Он освещает некую проблему, и все.

— Валдис, в июне вам стукнет 37 лет. Дата достаточно мистическая, как сказал Поэт: «С меня при цифре 37 в момент слетает

хмель...». Книгу о жизни, о судьбе написать не хотели бы?

— Абсолютно нет. У древних греков считалось, что расцвет человека начинается в 40–45. И это при их средней продолжительности жизни, гораздо меньшей, чем у нас. Они не писали год рождения, они писали, что расцвет этого человека приходился на такие-то годы. У меня же планов масса. Открыл на прошлой неделе парашютный сезон после полугодового перерыва, после травмы. Сейчас надо готовиться к рекорду России в формации «110» — 110 человек в воздухе должны сойтись. Надо приступить к тренировкам.

— Есть ли коллеги по цеху, с которыми вы дружите? Например, к Якубовичу, как относитесь?

— Я не поддерживаю близких дружеских отношений с коллегами по цеху, у нас ровные производственные отношения. Каждый из нас, выйдя за пределы телецентра, начинает жить своей жизнью. Леня летает на самолетах, я прыгаю с парашютом. Он не прыгает, я не пилотирую. Он в Мячково, а я в Ступино. Мы уже не общаемся и не пересекаемся. Фома (Николай Фоменко. — Авт.) гоняет. Андрей Макаревич ныряет. Я тоже ныряю. Сейчас хочу заняться техническим дайвингом, погружением на большие глубины. Вадимыч (Макаревич — Авт.) этим не занимается, и мы не пересекаемся. У нас есть масса тем для общения, но при этом каждый из нас живет своей жизнью, не связанной с ТВ.

Поэтому друзей, с которыми мы общаемся более плотно, мы ищем и находим по своим интересам. Нет такого телевизионного братства или клуба. На работе — да, а за ее пределами мы все разные.

— О новом проекте не думаете?

— Пока нет. У меня было два ураганных года. В позапрошлом «Русская рулетка» и «Властелин вкуса», в прошлом году старт «Угадай мелодию» и «Розыгрыш». Я думаю, что до осени пережду. К тому же у нас на канале существует принцип, что ведущий может вести максимум две программы. У меня и так семь дней в неделю — шесть «Угадаек» и «Розыгрыш». Я подозреваю, что некоторых уже подташнивает от моего лица на экране. Возможно, осенью что-то появится, но это будет связано с закрытием одного из двух проектов, а они пока крепко стоят на ногах. Возможно, это будет спецпроект типа «Стирки на миллион».

— И в завершение разговора. Часто ли бываете у себя на родине, в Риге? И так ли вы популярны там, как здесь, в Москве?

— Обычно езжу два раза в год. Узнают, конечно, поскольку у всех есть «тарелки», все Первый канал смотрят. Реакции у латышей более сдержанные, они меньше экстраверты, чем русскоязычные, посему внешние проявления более спокойные и более закрытые. Хотя автографы просят частенько. Вообще я не живу в затворе, мне пока еще нужно, чтобы меня узнавали.